красоте Киева: «и смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев, и удивися необычной красоте стен и крепости града». 23

Как в «Повести о разорении Рязани Батыем», казанцы быются на вылазках против русских «един бо казанец бияшеся со сто русинов, и два же со двема сты». ²⁴

Описание приступа русских войск к Казани напоминает описание осады Рязани Батыем: русские приступают к Казани день и ночь 40 суток «не дающи от труда поспати казанцем, и многи козни стенобитныя замышляющи, и много трудяшеся, аво тако, ово инако, инии же что успеша и чем же град вредиша; но яко великая гора каменная, тверда стояху град и недвижимо никуда же, от силнаго биения пушечного ни шатаяся, ни позыбаяся. И недомышляхуся стенобитнии бойцы, что сотворити граду».²⁵

Речи казанцев необычны для врагов. Они исполнены воинской доблести и мужества, верности родине, ее обычаям и религии. Казанцы говорят друг другу, укрепляя себя на брань: «Не убоимся, о хоабоыя казанцы, страха и прещения московскаго угауби (так!) и многия его силы руския, аки моря биющагося о камень волнами и аки великаго леса шумяща напрасно, селик имуще град наш тверд и велик, ему же стены высокия и врата железная и люди в нем удалы велми, и запас мног и доволен стати на десять лет в прекормление нам. Да не будем отметницы добрыя веры нашия срацынския и не пощадим пролити крови своея, да ведоми не поидем в плен работати иноверным за чюжей земли, християном, по роду меншим нас и украдшим благословение». 26

В уста казанцев вкладываются формулы плача Ингваря Ингоревича 27

из «Повести о разорении Рязани Батыем».

Отчаяние казанцев описывается так, как раньше описывалось бы только отчаяние русских. Казанцы говорят: «где есть ныне сокрыемся от влыя Руси. Приидоша бо к нам гости немилыя и наливают нам пити горькую чашу смертную». Правда, неловкость такого лирического отношения к душевным переживаниям врагов смягчается последующими словами о «горькой чаше», которую в свою очередь казанцы заставляли когда-то пить «злую Русь»: «ею же (т. е. чашей этою) мы иногда часто черпахом им, от них же ныне сами тая же горькия пития смертныя неволею испи-

Нарушения этикета простираются до такой степени, что враги Руси молятся православному богу ²⁹ и видят божественные видения, ³⁰ а русские совершают влодеяния, как враги и отступники.31

²³ Там же. Ср. в Ипатьевской летописи под 1237 г. (ПСРА, т. II, стлб. 782):

²³ Там же. Ср. в Ипатьевской летописи под 1237 г. (ПСРА, т. II, стлб. 782): «видив град (Киев, — Д. Л.) удивися красоте его и величеству его».

24 Там же, стр. 131. Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Един (рязанец, — Д. Л.) бъяшеся с тысящей, а два со тмою» (ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 290).

25 Там же, стр. 136—137. Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И объступиша (Батый, — Д. Л.) град (Рязань, — Д. Л.) и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремено бъяшеся. И многих гражан побиша, а инех уазвиша, а инии от великих трудов изнемогша» (ТОДРА, т. VII, стр. 292).

26 Там же, стр. 146. «Угауби» — по-видимому переданные тайнописью бранное выражение

жение.

²⁷ Там же, стр. 152—153. Ср. отдельные выражения с плачем Ингваря Ингоревича (ТОДРА, т. VII, стр. 297—299).

²⁸ Там же, стр. 153.

²⁹ Там же, стр. 51

³⁰ Там же, стр. 130—131. 154. ³¹ Там же, стр. 155—157.